

Mieczysław Jackiewicz

Статья-некролог Адама Мицкевича на смерть А. С. Пушкина С. : (к вопросу об исследованиях польских литературоведов)

Acta Polono-Ruthenica 3, 97-103

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Mieczysław Jackiewicz
Olsztyn

**Статья-некролог Адама Мицкевича
на смерть А. С. Пушкина
(К вопросу об исследованиях польских
литературоведов)**

Александр Сергеевич Пушкин, как известно, умер 29 января, т.е. 10 февраля нов. стиля 1837 года. Информации о его смерти появились в парижской печати уже в половине февраля по новому стилю. Только „Journal des Debats” в течение трех месяцев 1837 года напечатал четыре статьи о Пушкине, первая из них была напечатана 12 февраля нов. ст.¹ Значит, Мицкевич вероятно в феврале знал, что Пушкин убит.

И вот на смерть Пушкина Мицкевич отозвался довольно поздно: он написал статью-некролог и напечатал ее в журнале „Le Globe” 25 мая 1837 года.

Почему так поздно Мицкевич написал свой некролог, в каких обстоятельствах и откуда он взял материал к статье - все это остается пока до конца не исследованным, хотя знаменитой статье польского поэта на смерть Пушкина посвящено много работ. Казалось бы трудно отыскать здесь какой-либо новый аспект. И тем не менее в статье Богдана Гальстера *Wokół sądów Mickiewicza o Puszkynie* новый подход найден: высказывания Мицкевича соотнесены с суждениями о творчестве Пушкина Д. Веневитинова, И. Киреевского, Н. Полевого и ряда других общих знакомых Мицкевича и Пушкина.

По мнению Гальстера менее всего исследованным периодом жизни и творчества Мицкевича являются годы его пребывания

¹ См. П. Е. Щеголев, *Дуэль и смерть Пушкина*, Москва - Ленинград 1928, s. 411.

в России. Несмотря на существование большого количества литературы, известно об этом периоде очень мало. А ведь по словам Алины Витковской „Mickiewicz opuszczał Rosję jako twórca miary ogromnej i człowiek o bezcennej dojrzałości wewnętrznej, zdobytej na najciekawszym chyba z ówczesnych europejskich poligonów idei”.²

Правда, как утверждает Гальстер, на многие поставленные вопросы уже имеются ответы, в чем большая заслуга Вацлава Ледницкого. Но только Мариан Якубец воспринял суждения Мицкевича как часть его общей концепции истории русской литературы. Сегодня, благодаря работам Зофии Стефановской, Анджея Валицкого и других, понимание Мицкевичем творчества Пушкина и русской литературы того времени определяется как целостность, которая не лишена определенных противоречий.

Исследования эти подтвердили, что воспоминания Мицкевича были повторены в целом в его лекции XXVIII-ой второго курса о *Славянской литературе*. Из этого Гальстер делает вывод, что „oba teksty wyrosły z tych samych źródeł, oba więc wspierają się na tych samych założeniach teoretycznych i wypowiadają w istocie jednakowe rozumienie twórczości Puszkina”.³

В одно время было высказано предположение, что статью *Пушкин и литературное движение в России* Мицкевич написал с помощью, даже в своего рода соавторстве с Сергеем Соболевским, которое было опровергнуто Вацлавом Ледницким: „Mickiewicz rzecz swoją napisał całkiem samodzielnie. [...] Artykuł ten został napisany spontanicznie, bez przygotowania i bez pomocy dokładniejszych źródeł informacyjnych”.⁴

Польский исследователь, опираясь на установленные факты, утверждает, что в своей работе Мицкевич руководствовался прежде всего воспоминанием о событиях, свидетелем которых был сам. В. Ледницкий заметил в некрологе суждение, взятое из журнала „Сын отечества” (1829, nr 15), а также следы знаменитого предисловия Петра Вяземского к *Бахчисарайскому фонтану*, в итоге, од-

² A. Witkowska, *Słowo i czyn*, Warszawa 1983, s. 80.

³ B. Galster, *Wokół sądów Mickiewicza o Puszkinie*, „Slavia Orientalis”, 1980, nr 3, s. 368.

⁴ W. Lednicki, *Puszkini - Mickiewicz. Mickiewiczowy nekrolog Puszkina*, [w:] *Przyjaciele Moskale*, Kraków 1935, s. 177.

нако, был удивлен тем, что текст Мицкевича остался вне проблематики, поднятой философской критикой, в том числе Николаем Гоголем *Несколько слов о Пушкине*.

Гальстер подчеркивает, что в некрологе можно найти следы других суждений и общений Мицкевича: „Jest zresztą zgoła nieprawdopodobne, wręcz niemożliwe z psychologicznego punktu widzenia, by na wiedzy Mickiewicza o «wieszczu ruskiego narodu» w najmniejszej choćby mierze nie zaważyły opinie krytyków rosyjskich, które musiał znać. Mickiewicz przecież - podkreślają to najpoważniejsi badacze jego życia i twórczości - nie odcinał się murem obojętności od swego rosyjskiego otoczenia, lecz przeciwnie, z chłonną uwagą śledził wszystko, co się działo na owym «poligonie idei»”.⁵

Как известно, Мицкевич был заинтересован русской интеллектуальной жизнью того времени и подлинно европейским уровнем литературы, он даже противопоставлял культуру Москвы и Петербурга - не всегда справедливо - „захолустной” Варшавы.

Очень правдоподобной, по мнению Гальстера, является гипотеза М. Якубца о роли Соболевского в воспоминаниях Мицкевича о Пушкине, которая тотчас же направляет внимание к группе издателей и сотрудников журнала „Московский вестник”, с которым Пушкин и Мицкевич в определенное время были тесно связаны благодаря Соболевскому.

С сотрудниками „Вестника” Мицкевич встречался многократно. Известно, что 24 октября 1826 года он участвовал в „крестинах” журнала, между прочим вместе с А. Пушкиным, братьями Веневитиновыми и Иваном Киреевским. Часто встречался с ними у Елагиных, Веневитиновых, у Соболевского, Погодина, в салоне княгини Зинаиды Волконской. Известно, что с бывшими любомудрами, которые издавали свой журнал, тесно сотрудничал также Пушкин. Именно здесь, в кругу рождающейся философской критики, были созданы самые интересные и глубокие высказывания о его творчестве. Некоторые из них были опубликованы еще во время пребывания Мицкевича в России, из них особое внимание заслуживают статьи Д. Веневитинова и И. Киреевского.

Д. Веневитинов, инициатор создания „Вестника” и автор его

⁵ B. Galster, op. cit., s. 369.

программы, свой взгляд на Пушкина выразил в двух полемических, по мнению Полевого, статьях о первой главе *Евгения Онегина*. Не вызывает сомнений, как считает Гальстер, что Мицкевич, который поддерживал близкие связи и с Веневитиновым и с Полевым, проблеме спора между ними должен был знать. Статья о *Борисе Годунове* до него не дошла, но вполне вероятно, что он знал о ее содержании из разговоров с Веневитиновым.

Всесторонней концепции творчества Пушкина Д. Веневитинов не успел создать (он умер в марте 1827 г.). Сделал это Иван Киреевский: в 1828 г. в журнале „Московский вестник” появилась его статья *Кое-что о характере поэзии Пушкина*. По мнению Гальстера, трудно поверить, чтобы Мицкевич ее не читал.

Киреевский не ставил своей целью охарактеризовать некоторые произведения Пушкина, но хотел понять динамику перемен - от *Руслана и Людмилы* к *Цыганам* и пятой главе *Евгения Онегина*, чтобы на этой основе понять самую суть таланта Пушкина и осознать, какой путь его творчество уже прошло и в каком направлении будет развиваться в дальнейшем.

Как пишет Гальстер, нетрудно заметить, что характеризуемая И. Киреевским часть творчества Пушкина созвучна тому, о чем позднее писал (и говорил) Мицкевич. Польский поэт прибавил только еще *Полтаву* (названную им *Мазеной*), которую в 1828 году русский критик не мог охарактеризовать (поэма появилась только в 1829 году), а также три последних главы *Евгения Онегина*. С полным текстом романа в стихах Мицкевич уже ознакомился в Париже.

На это последнее обстоятельство до сих пор не обратили внимания, а ведь вносят они конкретные и существенные добавления к сведениям о пушкинологических занятиях Мицкевича. Говорят они и о том, что утверждение, будто бы после отъезда из России Мицкевич не расширил своих знаний о Пушкине, является не совсем верным, так как только за границей мог он ознакомиться с завершенным *Евгением Онегиным*. Когда польский поэт уезжал из России, Пушкин даже не начинал писать XIII-ую главу произведения, законченную осенью 1830 года в Болдино и опубликованную в январе 1832 года.

Сравнивая суждения И. Киреевского и А. Мицкевича, В. Галь-

стер хочет сказать следующее: в отличие от Киреевского Мицкевич писал для французов, имея ввиду роль французской культуры - для целого цивилизованного мира; ведь кроме России о русской литературе и о Пушкине тогда еще знали сравнительно мало. Отсюда понятно, почему у Киреевского, в отличие от Мицкевича, перевес интерпретации над информацией. По мнению Гальстера различались также их высказывания: Киреевский придал им классический образ критической статьи предназначенный для соотечественников поэта, Мицкевич же, будучи иностранцем, писал для иностранцев свои воспоминания о трагически погибшем русском друге. Кроме того, Киреевский должен был считаться с цензурой, автор же *Пана Тадеуша* мог свободно высказывать свои мысли, имея ввиду только мнение эмиграции, которая часто обвиняла его в русофильстве. Таким образом в статье Мицкевича много места занимают суждения о декабристском движении и об идейной связи с ним поэзии Пушкина. Независимо от личных убеждений, все эти вопросы Киреевский должен был умолчать.

С опубликования *Кавказского пленника* повсеместно говорилось о влиянии Байрона на творчество Пушкина. До самого конца пребывания Мицкевича в России проблема эта была актуальной. Трудно поэтому согласиться с Ледницким в том, что в некрологе и в парижских лекциях Мицкевич уделил „байронизму” Пушкина много внимания. Мицкевич в этом вопросе занял определенную позицию: утверждал, что Пушкин, несмотря на огромное влияние на него Байрона, оставался оригинальным поэтом. Он писал: „A mimo to Puszkin był nie tyle naśladowcą jego dzieł, ile opętany przez ducha swego ulubionego autora. Nie był on fanatykiem bajronistą, raczej moglibyśmy go nazwać bajronizującym. Gdyby bowiem utwory poety angielskiego nie istniały wcale, ogłoszono by Puszkina pierwszym poetą epoki”⁶.

Иван Киреевский придавал связи Пушкина с Байроном большое значение. Если Мицкевич писал, что в произведениях Пушкина все байроновское, то не расходился во взглядах с русским критиком. Ведь Киреевский считал, что во второй фазе творчества - философской - сходство с Байроном определяется не только в мировоз-

⁶ A. Mickiewicz, *Dzieła*, t. 5, Warszawa 1950, s. 288.

зрении обоих поэтов, но и в манере композиции, повествования, а также сходства характеров героев. Из этого можно сделать вывод, что для Мицкевича и Киреевского влияние Байрона на Пушкина было таким же естественным и очевидным, как и рост оригинальности русского поэта.

Примеры этого Киреевский находит также в *Цыганах* и *Евгении Онегине*. Последняя из цикла южных поэм характеризуется главным образом тем, что ведется в ней война между идеальностью Байрона и самобытностью русского поэта, а из столкновения этих противоречивых стремлений проистекают все недостатки произведения. По мнению Киреевского, с *Цыганами* и *Онегиным* Пушкин вступил в третью фазу развития - фазу „русско-пушкинской поэзии”.

Для Мицкевича *Цыганы* и *Полтава* были переходными произведениями Пушкина. Нашел он в них те же черты, которые заметил и Киреевский. Польский поэт писал: „Okolo tego czasu ukazal się poemat *Cyganie*, później *Mazepa*, utwory wybitne świadczące o zdolnościach rozwojowych Puszkina i te dwa poematy są już lepiej osadzone w rzeczywistości. Przedmiot ich prosty, charaktery osób pojęte lepiej i nakreślone z jednością, styl tu jawi się już wolny od wszelkiej przesady romantycznej. Niestety, forma bajrońska krępowała jeszcze jak zbroja Saula ruchu młodego tego Dawida; ale już było widoczne, że był bliski zrzucenia jej z siebie”.⁷

Таким образом, сходство Мицкевича с Киреевским и в понимании и в аргументации, и в выводах очень близкое. Сходство это проявляется и по отношению к *Евгению Онегину*, которого Мицкевич, однако, оценивал гораздо выше, чем русский критик. Дело не в том, что польский поэт знал все произведение, а Киреевский основывался на первых пяти главах. Русский критик, правда, писал, что не хочет судить обо всем произведении на основе его части, но тотчас же добавил, что с трудом может себе представить возможность чего-то гармоничного и богатого в дальнейших главах, при таком начале. Назвал, однако он произведение Пушкина народным, основываясь не на первых его главах, где влияние Байрона очевидно, не на характере Онегина, схожего с характером Чайльд Гарольда, но на тех дальнейших главах, где поэт отдаляется от главного

⁷ Ibidem, s. 291-292.

героя и углубляется в описании общественной среды. В некрологе на смерть Пушкина Мицкевич, выражая свое мнение об *Евгении Онегине*, по всей вероятности не знал еще целого, законченного „романа в стихах”, но несмотря на это его оценка частично схожа с мнением Киреевского.

В некрологе на смерть Пушкина Мицкевич высказал свое мнение о *Борисе Годунове*. Мицкевич вероятно знал пьесу уже с осени 1826 г., когда Пушкин несколько раз читал ее в кругу московских знакомых. Во время пребывания Мицкевича в России были опубликованы только две сцены из трагедии: *Ночь. Келья в Чудовом монастыре* и *Корчма на литовской границе*.

Первая из названных сцен произвела большое впечатление на критиков. Свидетельствовала она, по их мнению, о полной творческой зрелости поэта, заслуживала на то, как говорил Веневитинов, чтобы поставить ее рядом с произведениями Шекспира и Гёте. Такого же мнения придерживался и Киреевский.

Мицкевич же, который к *Борису Годунову*, вероятно позднее не обращался, запомнил только общее впечатление, какое произвело, на него произведение при чтении автором. Имея свою личную концепцию современного драматического произведения, он противоречиво отнесся к суждениям русских: „Puszkın napisał także dramat, który Rosjanie wysoko cenią i stawiają obok dramatów Szekspira. Nie podzielał ich mniemania; za długo jednak trzeba by tutaj uzasadniać moje zdanie. Wystarczy nadmienić, że Puszkın był jeszcze zbyt młody, aby móc tworzyć postacie historyczne”.⁸

Завершая замечания о статье-некрологе Мицкевича, можно сделать вывод, что все же польский поэт основывал свои утверждения на личной концепции русской литературы, которая заметно отличалась от суждений русских критиков; однако, на наш взгляд, это не является преградой для сопоставления его взглядов со взглядами русских критиков - знакомых обоих поэтов, суждения которых в определенной мере сказались в некрологе на смерть Пушкина и в парижских лекциях.

⁸ Ibidem, s. 292.